

ЛЮБОВЬ БЕВЗЕНКО,

докторант Института социологии НАН
Украины

Самоорганизационная парадигма и проблемное поле социологии

Abstract

The sense-forming potential of sociological theory is viewed in the context of self-organization. The proposed explanation of social crises, unforeseen historical transformations, revolutions, especially the ethnic ones with their paradoxicalities, etc., is in accordance with the non-linear pattern of social changes. Analysing personality as a sociological object, the author reveals the determinants of social behavior from the point of view of rational and irrational individualism and collectivism, the problem of alienation and sense-forming functions of culture.

1. Научное движение “концепция самоорганизации”

“Концепция самоорганизации” [1] как научное движение в настоящее время интенсивно пополняется потоком гуманитарных концептуализаций, которые ищут в ней методологическую подпитку, с тем чтобы справиться с методологическим кризисом, фиксируемым во многих направлениях социогуманитарного познания. Это позволяет говорить о концепции самоорганизации как новой социогуманитарной парадигме.

Согласно Т.Куну, введшему в активный науковедческий оборот понятие “парадигма”, кризисные состояния в науке в самом общем виде можно характеризовать как ситуацию смены основной познавательной парадигмы, чему сопутствуют значительные трансформации в проблемном поле науки. Периферийные области этого проблемного поля оказываются в центре внимания. Этому способствуют, согласно Куну, и объективная познавательная ситуация, требующая новых методологических подходов для разрешения ранее не разрешимых задач, и появление новой парадигмы, позволяющей

вести в проблемное поле те задачи, которые ранее просто не рассматривались как таковые. “Овладевая парадигмой, общество получает критерии для выбора проблем, которые могут считаться в принципе разрешимыми, пока эта парадигма принимается без доказательств. Другие проблемы отбрасываются как метафизические, как относящиеся к компетенции другой дисциплины иногда только потому, что они слишком сомнительны, чтобы тратить на них время” [2].

Исходя из этого рассмотрим ситуацию в проблемном поле социального познания и те ее трансформации, которые обуславливают актуальность обращения к самоорганизационной парадигме и, вместе с тем, сами обусловлены появлением такого концептуального подхода в арсенале социального познания.

2. Проблема выживания. Кризис гуманизма

Одним из основных стимулов развития концепции самоорганизации, ее активной экспансии в различные научные и ненаучные сферы человеческой деятельности явилась ситуация, которую можно было бы обозначить как проблематичность выживания человечества вообще, что осознается как проблема кризиса цивилизации, или кризиса трактовки гуманизма. Один из выходов из данной проблемной ситуации связан с растущим пониманием значимости тех индивидуальных мироописаний, на основании которых человек осуществляет свою практическую деятельность, и состоит в формировании новой картины мира, новом наполнении таких понятий, как “человек”, “природа”, “нация”, “общество”, а также в новом осмыслении отношений “человек–природа”, “человек–общество”, “человек–человек”. И синергетические наработки оказываются здесь мощным смыслообразующим основанием.

Нужно сказать, что в западной философской и социогуманитарной мысли озабоченность этими проблемами не ослабевала уже начиная с конца прошлого века и резко актуализировалась в последние годы. Идея синергии, коэволюции в контексте обсуждения проблемы выживания человечества в условиях нарастающего антропогенного кризиса привлекает все большее внимание западных ученых. Например, в работах Ж.Сен-Жура оптимальной моделью мирового развития видится модель взаиморазвития, которое наилучшим образом описывается понятием “синергия” и предполагает высокую согласованность, резонированность действий многих организаций и институтов на пути достижения одной цели — выживания [3].

Для посткоммунистических стран вопрос перспектив существования человечества как такового приобретает особую рельефность на фоне тех социально-политических, культурных, психологических потрясений, которые эти страны переживают. В частности, российская обществоведческая мысль демонстрирует высокую озабоченность этими вопросами и высокую активность в поисках собственных ответов на них. Вот, например, как формулирует эту проблему А.Назаретян: “Накануне XXI века человечество в целом и западная цивилизация в первую очередь (благодаря ее авангардной роли в научно-техническом прогрессе) оказались в драматической ситуации выбора дальнейших путей и форм овладения окружающим миром. Как никогда остро встал вопрос о соотношении рационального и чувственного,

логического и ценностного. На гребне “третьей технологической волны” оказались проблемы выживания человечества, поскольку груз артефактов цивилизационного развития стал угрожать дальнейшему физическому существованию человечества...” [4]. К этим вопросам неоднократно обращались и другие известные российские ученые, в частности, Н.Моисеев, Н.Васильева, Е.Седов [5].

В контексте нашей темы работы названных ученых интересны тем, что обращение к синергетической парадигме для них является, как правило, естественным шагом в поиске путей разрешения кризиса. Например, Н.Васильева подчеркивает, что баланс в системе “природа–цивилизация” достиг опасных энтропийных уровней. Логика использования понятия “энтропия” в данном случае задается моделями термодинамики (синергетики), и на их основании автор делает вывод о возможности спонтанных непредсказуемых результатов такого энтропийного роста. Отсюда — необходимость использования аппарата синергетики для осмысления “возможности демократического самоорганизационного процесса перехода современного человечества от состояния хаотичности и неконтролируемости цивилизационных систем жизнедеятельности к состоянию природно-цивилизационной сбалансированности” [6, с.127].

Отмечая, что выход нужно искать в первую очередь в смене картины мира, на основании которой человек выстраивает свои отношения с природным и социальным окружением, в качестве альтернативы существующим мировоззренческим моделям Н.Васильева предлагает вспомнить “античную мировоззренческую картину, где человек был частью космоса как единого многообразного целого, но в то же время и сам человек являлся микрокосмом” [6, с.126]. Философско-мировоззренческие обобщения синергетических построений действительно приближают нас к такому мировидению. Единство мира, его взаимосвязанность — основная общая характеристика этих двух систем мироописания.

Очевидно, потребность в именно таком мировоззренческом повороте назрела давно, и синергетика продолжает те шаги, которые сделали в этом направлении кибернетика, теория систем, пытаясь актуализировать идею целостности мира.

Справедливости ради следует отметить, что это лишь один из векторов названного философско-мировоззренческого поиска. Говоря о задаче преодоления мыслительных установок модерна, к которой во многом сводится стремление переосмыслить сущность человека, природы, общества, нельзя обойти вниманием положения того мощного течения современной западной философской мысли, которое известно под названием “постмодерна”. Не углубляясь подробно в сравнительный анализ двух подходов (постмодернистского и самоорганизационного) к вопросу преодоления стереотипов модернистского мироописания, заметим, что самоорганизационный подход можно представить как определенную альтернативу постмодернистского проекта. Последний, отталкиваясь, по сути, от того же разочарования в идее прогресса и ставя задачу пересмотра философско-мировоззренческих оснований модернистского мировосприятия, делает ставку на фрагментарность, плюральность, принципиальный отказ от всякого рода холистических претензий, которых не лишены самоорганизационные построения.

3. Социологические теории. Смыслообразующий потенциал

Задачу формирования новой картины мира в рамках социологической проблематики можно увидеть как задачу построения новых теоретических концепций, предлагающих иной взгляд на основные социологические объекты — общество, культуру, человека, на процессы их взаимодействия и трансформации. Речь идет о переосмыслении многих явлений социальной жизни, которые не объяснялись, не прогнозировались или игнорировались предшествующими теоретическими системами. Фокусом переосмысления, на наш взгляд, должны стать модели социальных изменений, лежащие в основе социальных представлений людей.

Начиная свой фундаментальный труд по социологии социальных изменений, П.Штомпка пишет: “Наша задача в том... чтобы смоделировать зеркало, в котором... можно увидеть, куда и как движется современный мир. То, что люди думают о социальных изменениях, принципиально важно для того, чтобы подвигнуть их к действиям. Следовательно, эти взгляды, концепции самым непосредственным образом влияют на перспективы социальных изменений. Чем более богаты эти источники, чем более разнообразны концепции, модели и теории, чем глубже и критичнее их содержание, тем более осознанными являются человеческие действия — и отдельных индивидов, и групп, организаций, социальных движений, правительств и т.д.” [7, с.15].

Думается, что смыслообразующий потенциал самоорганизационной парадигмы здесь достаточно высок. И заключается он прежде всего в способности посмотреть на эти проблемы под углом “нелинейного видения”, структурируя проблему на основании тех мыслительных конструктов, которые уже принято обозначать как “нелинейное мышление”.

Первый постулат модернистского мировоззрения, который в таком случае подвергается сомнению и критике, — это постулат прогрессивности мирового развития, во многом представляющий собой производную линейности мировоззренческих паттернов. “На протяжении длительного периода интеллектуальной истории многие мыслители — от Томаса Мора до Мао Цзэдуна и от Платона до Маркса — верили, что прогресс можно сохранить на всех уровнях общества для всех членов одновременно и в конце концов достичь полного и всеобщего процветания. Они рисовали образцы совершенного общества, создавая социологические утопии. Прогресс означал приближение к совершенству, будь то Новая Гармония, тысячелетнее царство, Город Солнца или коммунизм” [9, с.52]. Как отмечает Штомпка, только в работах Ф.Тенниса впервые прозвучали сомнения в безусловности прогрессивных закономерностей в социальных изменениях. Это стало толчком к трансформации концепции социального прогресса и поискам новых, непрогрессивистских моделей социальной динамики.

Самым важным следствием принятия самоорганизационных законов как основания социальных изменений, на наш взгляд, является акцент на принципиальной нелинейности этих процессов. А нелинейность — это уже отступление от прогрессивистских представлений. К такому пересмотру нас побуждают те реальные факты социальной жизни, которые не вписываются в традиционно линейную точку зрения, поражая наблюдателей своей неожиданностью и разрушая основанные на линейных моделях прогнозы.

4. Общество как объект социологии. Нелинейные модели социального изменения

Начнем с самого важного для социолога объекта — общества. Обратим внимание на ряд трансформационных проблем, которые не получали удовлетворительного разрешения в рамках линейных представлений либо просто выпадали из поля “социологического зрения”, заранее оговорив, что они не исчерпывают всего множества задач, где новая парадигма может эффективно работать и уже работает.

4.1. Социальный кризис, революция

Первая проблема — это проблема социального кризиса. Если вопросам социального гомеостаза традиционно уделялось достаточно внимания в теоретической социологической мысли, то проблемой кризиса социологи — особенно западные — интересовались традиционно значительно меньше.

П.Штомпка называет революции (пиковые моменты социальных кризисов) “наиболее яркими проявлениями социальных изменений” [10, с.367]. Подробно рассматривая основные существующие на данный момент теории революций, Штомпка перечисляет те проблемные моменты, с которыми эти теории не справляются, и отводит этим вопросам параграф под названием “Чего мы не знаем о революциях”, обозначая эти неясные моменты как “загадки революций”. Таких основных загадок он насчитывает пять: 1) факторы, силы или детерминанты революции; 2) причины внезапности, взрывоподобности массового поведения в период революции; 3) вопрос о закономерности или случайности революций в общей картине социальных изменений; 4) несовпадение результатов революций с мечтами их инициаторов, теми мифами, на основе которых происходили революционные события; 5) непредсказуемость революций [11, с.386].

Многие из этих загадок находят логичное объяснение в рамках самоорганизационных моделей социального изменения, для которых кризис системы, революция, катастрофа — наиболее значимый момент активизации самоорганизационных явлений. Основными понятиями, связанными с проблемами социального кризиса в этих теоретических построениях, являются понятия бифуркационной точки и социальной энтропии. Именно картина прохождения нелинейной самоорганизующейся социальной системой через бифуркационную точку позволяет дать самоорганизационную трактовку феноменов революции.

4.2. Непредсказуемость истории, лавинообразность революционных перемен

Особо следует остановиться на последней отмеченной П.Штомпкой загадке — непредсказуемости революций.

П.Штомпка приводит высказывания ряда авторов, исследовавших революции и неизменно указывавших на их непрогнозируемость. Например, Ричард Капучински, размышляя над иранской революцией, отмечает: “Планировался путч или дворцовый переворот, но не революция. Ее взрыв, момент взрыва, застал врасплох всех, даже тех, кто желал ее. Все были ошеломлены спонтанностью ее неожиданного появления и тем, как она

уничтожала все на своем пути” [8, с.86]. Коллапс коммунизма, как говорит Штомпка, был еще одним подтверждением неадекватности тех моделей, на основании которых выстраивались ожидания и предсказания по отношению к динамике коммунистических режимов. Он был “фантастическим сюрпризом... В современной истории не было большей неожиданности, чем скорость и всеобщность, с которой пали коммунистические режимы в Восточной Европе и самом коммунистическом отечестве”. Отсутствие адекватных моделей процесса, соответствующих формальных методологий Штомпка отмечает как одну из причин такой непредсказуемости, что и активизировало поиски теоретиков в этом направлении [7, с.388; 9, с.7; 10, с.250].

Думается, самоорганизационная модель может помочь если не сделать предсказуемым наступление революционного момента, то хотя бы прояснить причину сложности таких предсказаний, а в определенном смысле и невозможности. Сама попытка предсказания, как правило, основывается на моделях, имеющих экстраполяционный, линейный характер. Наблюдаемые в данный момент тенденции линейным образом переносятся в футурологические построения, и это приводит к ошибке в ожиданиях. Линейные процессы всегда демонстрируют постепенность в изменениях, а структурные трансформации в линейных системах должны назревать пропорционально некоторому детерминирующему их фактору — нарастая, усиливаясь, накапливаясь. Но этого не происходит в случае нелинейных системных процессов, когда основные системные характеристики долгое время сохраняются неизменными при значительных колебаниях параметров. (Например, нищета все усугубляется, зарплата не выплачивается, безразличие властей к людям нарастает, а они не протестуют, все так же работают, терпят, кризис не наступает.) Ситуация, будучи напряженной достаточно долго, кризисом-революцией не разрешается, и неявно предполагаемая линейность позволяет экстраполировать прогноз стабильности на последующие моменты социальной истории. Но вдруг в какой-то момент — часто в результате незначительного повода — лавина срывается, и начинается революционный переворот, пугающий спонтанностью и непредсказуемостью исхода.

Несоответствие реальных событий существующим социологическим и политологическим моделям отмечают и многие западные аналитики, на что указывает, например, российский политолог А.Бутенко: “Осмысление глубоких изменений, производящих подлинный переворот в привычной картине международных отношений, присуще практически всем крупным работам последних лет. Характерны уже сами названия работ, изданных в разных странах: “Турбулентность в мировой политике”, “Мировая безопасность. Вызовы на рубеже нового столетия”, “Мир на переломе”, “Новый мировой пейзаж”. При этом в фокусе внимания авторов оказывается лавинообразный, обвальный характер изменений, которые наблюдаются в международных процессах, и они вынуждены констатировать, что практически “все известные теоретические направления политической науки оказались дискредитированными, поскольку не сумели предсказать столь быстрого наступления ни одного из крупных событий, символизирующих переход к новой эпохе в политике, например падение Берлинской стены и воссоединение Германии, окончание холодной войны или распад Советского Союза” [11].

Лавинообразность, неожиданность происходящего — один из основных моментов, на котором останавливаются наблюдатели и комментаторы этих

событий. Несмотря на пристальное внимание западной политологии к Советскому Союзу и всему, что там происходило, никто из советологов не прогнозировал такого быстрого его распада. Убеждение в том, что советский тоталитаризм прочно связан с массами и не может быть разрушен за счет внутренних сдвигов, было очень распространенным. “Человечество еще не раз мысленно будет возвращаться к этим эпохальным событиям, стремиться понять, как и почему система, многие десятилетия казавшаяся непоколебимым утесом социальной устойчивости и политической стабильности, стремительно рухнула без прямого вмешательства извне” [12].

При этом очевидное несоответствие происходящего сформированным линейными представлениями ожиданиям вызывает недоумение и раздражение наблюдателей, стремление определить ситуацию как нелогичную и неразумную. “Рассмотрим, к примеру, факт ликвидации Советского Союза в свете новейших тенденций мирового развития. В мире явно наметилось преобладание процессов интеграции, в которые все активнее вовлекаются не только мировые лидеры, но и страны среднего уровня развития. И вдруг на глазах распадается мощнейший социально-экономический организм, вызывая огромные потери практически во всех разделяющихся частях”, — констатирует эту кажущуюся абсурдность российский обществовед А.Андреев. Если внимательно присмотреться к логике такого высказывания, то ее можно изложить так: “В мире действуют прогрессивные законы. Интеграция — это прогрессивное явление. Дезинтеграция — это регресс, откат назад, аномалия”. Но стоит только изменить изначальное допущение — и вывод не будет столь очевидным. А тот факт, что законы прогресса отнюдь не безусловны, получает все больше доказательств.

Принятие самоорганизационных законов в качестве объяснительной схемы может во многом помочь в понимании этих событий. Характерной особенностью нелинейных систем есть их способность к внезапным, катастрофическим перестройкам по всему элементному пространству, причем именно вследствие внутреннего состояния, а не в результате внешнего насильственного трансформирующего воздействия. Если социальную историю рассматривать под углом зрения закономерностей развития открытых нелинейных систем, то в таком случае внезапность и обвальность перемен становится объяснимой и понятной. Кризис, который, как правило, зреет в системе по мере роста ее энтропии — меры дезорганизованности, — не проявляет себя, как следовало бы ожидать согласно линейным представлениям, синхронно с ростом данного разрушающего фактора, а наступает только после достижения определенного порогового барьера, определенного уровня дезорганизации. А если исходное понятие энтропии (дезорганизации) связывать с жизненным миром личности, ее переживанием себя и своего места в социальном целом, то тогда такое нарастание беспорядка будет еще менее заметным [13].

Другая сторона непредсказуемости — не момента, когда происходит революционное событие, а его результатов — может быть связана с принципиальной непредсказуемостью поведения нелинейной системы в точке бифуркации, открывающей возможность нескольких направлений трансформационных изменений, когда выбор в пользу одного из них определяется вмешательством случайности на уровне малых флуктуаций.

4.3. Парадокс этнических революций

Продолжая свои размышления об особенностях проблемной ситуации современности, Андреев указывает на момент, который с его точки зрения является самым нестандартным. Таким моментом он считает феномен повсеместного “возрождения этничности”, кажущийся таким странным в конце XX столетия, когда национальная принадлежность трактуется цивилизованным сообществом как факт частной жизни, определяемый личным выбором [14, с.107].

Эти явления, исходя из того же линейного мышления, можно трактовать как еще одно непонятное свидетельство как бы обратного движения истории — как на территории бывшего СССР, так и в других странах. И это происходит в то время, когда весь цивилизованный мир идет в обратную сторону — к созданию надэтнических образований, ликвидации границ и введению общей валюты, общего экономического пространства. Это вызывает раздражение у политиков, тем более, когда основу их социодинамических представлений составляет все та же идея прогресса. И в этом случае тенденции в сторону ослабления этнического фактора могут рассматриваться как прогрессивные, а противоположные — как регресс, деградация, нарушение законов мирового развития. Что самое страшное — стремление подправить реальность в соответствии с этими представлениями может толкать на использование далеко не самых гуманных средств, допускающих репрессивные методы. В качестве примера такого рода “благих” намерений все тот же Андреев приводит высказывание известного всем героя перестроечных времен, демократа и прогрессивного мыслителя А.Яковлева: “...непримиримый противник “коммунистического тоталитаризма” и главный идеолог “нового мышления”, А.Яковлев намеревается вести борьбу со вспышками национализма и сепаратизма при помощи особого международного органа, “эквивалентного Нюрнбергскому трибуналу” [15].

Возникающие в кризисные моменты как бы из небытия мощные этноидентификационные процессы, как отмечает российский этнолог С.Лурье, не находят объяснения в существующих этнологических моделях. Наблюдая эти процессы изнутри, исследователь отмечает, что пользоваться существующими схемами можно, если “не интересоваться тем, кто были люди, оказавшиеся неформальными лидерами общины в критический период, и что их к этому толкнуло. Ответ на данный вопрос не укладывается ни в один из классических подходов” [16]. В рамках самоорганизационного подхода усиление как этнических, так и религиозных идентификационных тенденций видится как проявление самоорганизационных социоупорядочивающих процессов, рассмотренных в личностном срезе, и представляется закономерным в кризисных общественных состояниях.

Этнический ренессанс, начавшийся в 60–70-х годах XX столетия, до сих пор трактуется многими как один из парадоксов современности. Но парадоксальными и неожиданными этнические революции выглядят снова-таки с точки зрения прогрессивистских, линейных моделей, прогнозирующих движение ко всеобщей интеграции, усилению глобалистских тенденций и т.д. С точки зрения самоорганизационных моделей глобализация и партикуляризация — явления одного ряда: это способы упорядочения со-

циальных систем, безразличные к возможным оценкам по поводу появления и исчерпания тех или иных форм порядка.

4.4. Детерминанты социального изменения

Говоря о моделях социального изменения, нельзя обойти вниманием еще одну связанную с этим проблему, которую, возможно, даже следует назвать центральной. Это проблема детерминант, факторов социальных трансформаций. К настоящему моменту уже достаточно очевидной становится неплотность монофакторных моделей, попыток связать движение социальной истории с каким-то одним доминирующим детерминантным параметром. Поликаузальность социальной динамики вполне очевидна. И хотя вес того или иного фактора может в определенные моменты меняться, нельзя сказать, что какой-то из этих составляющих — политической, экономической, социальной, культурной, научно-технической, психологической или даже биологической — можно совершенно пренебречь, пытаясь представить общую картину социотрансформационных изменений. Назрела необходимость в выявлении некоторого интегрирующего фактора, который бы суммировал в себе все перечисленные составляющие. В рамках самоорганизационных представлений такая возможность открывается. Таким интегрирующим фактором можно считать уровень социальной энтропии, которая определяется в терминах жизненного мира личности, тем интегральным переживанием мира, которое и концентрирует в себе на глубинном уровне все составляющие человеческого существования.

4.5. Несовпадение теории и истории. Необходимость новых моделей

Перечисленные проблемы, реальные события социальной жизни и реакции на них демонстрируют несовпадение теории и истории, когда что-то одно должно меняться и приводиться в соответствие другому. И здесь, понятно, есть два варианта. Первый — это тот, который выбирает Яковлев, что, похоже, свойственно человеку вообще, это пытаться сначала изменить окружение, а не себя и свои представления об этом окружении. И под флагом разумности и прогрессивности начинает подправляться история.

Второй вариант — изменить представление о происходящем, модель, описывающую события и выстраивающую наши ожидания, связанные с ними, и оценки их “верности” или “неверности”. “Похоже, несоответствие теории реальным процессам, развернувшееся на Евразийских просторах, достигло той критической грани, за которой — полная бесплодность их корректировки и частичного усовершенствования. Необходимо нечто иное: принципиально иной взгляд на сущность происходящего, новые интегративные понятия... Возможно, речь должна идти о большем: об изменении господствующей парадигмы исторического мышления, самого способа понимать историю” [14, с.106]. Одним из таких альтернативных, непрогрессивистских вариантов видения истории и является модель социального изменения, которая базируется на самоорганизационных методологических установках.

5. Личность как объект социологии. Детерминанты социального поведения

Личность как объект социологических рассуждений, связанных с социодинамическими процессами, представляет интерес для социолога прежде всего в своих деятельностных проявлениях. С точки зрения нелинейных моделей совсем под иным углом можно увидеть многие парадоксальные факты на уровне поведенческих актов, которые не вписывались в модернистские объяснительные конструкции. Это прежде всего факты, противоречащие моделям личностных трансформаций, задаваемым установками, утвердившимися в западной культуре со времен Просвещения и предполагавшими демифологизацию, расколдовывание сознания, растущую роль рационального, логического мышления в построении поведенческих стратегий. Современная практика говорит о неоправданности подобных ожиданий и требует иных теоретических объяснительных конструкций.

5.1. Рациональное и иррациональное. Суждение и воображение

В ряду проблем, требующих нового подхода, на первое место следовало бы выдвинуть соотношение рационального и иррационального как детерминант социального поведения.

На уровне повсеместно наблюдаемых социальных явлений “падение” в иррациональность проявляется, например, в тяге к самого разного рода эзотерическим практикам и оккультизму, мистике и глубинной психологии, магии и восточной философии. Известный французский социолог Мишель Маффесоли обращает внимание на то значение, которое в настоящее время придается воображаемому, символическому, всему тому, что заставляет обозначать эти явления как “возвращение иррационального”. “Сегодня в развитых странах сотни миллионов людей практикуют различные формы самопознания, самосовершенствования, того, что иногда называют “альтернативным стилем жизни” [17]. Социолог говорит о невозможности игнорирования этих явлений, выведения их на периферию предметного поля науки. “Это процессы слишком массовые и органичные, чтобы можно было продолжать расхожие разговоры о причудах моды, о молодежной культуре, о попытке части интеллигенции “убежать от невыносимой действительности” или, наоборот, о том, что “они там все с жиру бесятся” [17]. Маффесоли отмечает, что все происходящее слишком серьезно для таких поверхностных объяснений, и приводит, например, такие данные одной из социологических американских фирм: к началу 80-х годов в США это движение в той или иной степени охватило около 100 млн. человек. Мы же можем вспомнить наших Кашпировского и Чумака, Глобу и прочих астрологов, магов и провидцев в пик их популярности, совпавший, кстати, с пиком социального кризиса. Вся очевидная, с точки зрения рационального мышления, абсурдность и безумность подобных явлений не мешала этим “волшебникам” собирать стадионы зрителей. Обращая внимание на эту новую волну “околдованности мира”, Маффесоли призывает социологов уделить этому должное внимание: “Социолог не может не принимать во внимание все многообразие элементов, вышедших на первый план, таких как рок, судьба, небесные светила, магия, гадание, гороскопы, культы природы и т.д.” [17].

Иррациональная основа обнаруживается и в процессах литературного творчества. Так называемое мифопоэтическое сознание возвращается в культуру через освобождение фантазии, воображения, следующих амбивалентной логике иррационального. Дж.Р.Толкиен, автор известных и популярных произведений в стиле фэнтези, которые сами по себе представляют неомифологические сюжеты, считал воображение основой создаваемых образов, той глубиной, из которой они возникают. Традиционное для модерна “суждение” уступает здесь место “воображению” со всеми последствиями такой замены.

У ангажированного прогрессивистскими и просвещенческими идеями наблюдателя весь этот “разгул иррациональности” может вызывать раздражение сродни тому, о котором мы говорили в связи с неожиданными историческими переменами. Этому можно давать оценочные определения как новому средневековью или дикости, но факты не перечеркнуть с помощью подобных ярлыков. Им нужно искать объяснение, вписывающее их в социальную жизнь как закономерные (если уж они появляются в таком “неслучайном” количестве), а не надеяться на их исчезновение просто в силу нежелательности. Борьба с такими явлениями столь же бесперспективна, как и с возрождающимся национализмом. Их нельзя искоренить силой, разве что понять и найти пути трансформации.

Все эти факты могут быть с разной стороны осознаны самоорганизационной теорией. Основным ее моментом, позволяющим выйти на проблему иррационального как регулятора социальной жизни человека, является то значение, которое она придает роли случая в социальной динамике. Жертвуя принципом детерминизма, она отнюдь не выводит случайность из поля своего рассмотрения, утверждая неустранимую зависимость индивидуальной и социальной истории от случайных событий. В таком случае объяснимой становится растущая тяга к иррациональному, неизменно усиливающаяся в моменты индивидуальных и социальных кризисов. Поскольку случайность не подвластна рациональному приручению (в смысле классической рациональности), то человек ищет возможность справиться со случайностью иррациональным путем, выходя с помощью эзотерики, мистики, магии на контакт с силой, которая, по его мнению, способна управлять случайностью. Принятие решений под действием эмоций, “заражения”, “подражания” в точках усиления социальной неустойчивости — следствие их потенциальной вариативности и чувствительности к случаю.

Актуальность обращения науки к проблеме рационально-иррационального значительно усиливается в кризисные моменты социальных трансформаций, что особо характерно для событий последнего десятилетия, происходящих в постсоветских государствах, в частности — России и Украине. Например, известные украинские социологи Е.Головаха и Н.Панина в монографии с красноречивым названием “Социальное безумие” (1994) обращают внимание на активизацию подобных явлений в кризисном украинском социуме [18], а журнал “Вопросы социологии” один номер (1996, № 6) почти полностью посвящает размышлениям ведущих российских социологов на тему рационального и иррационального в человеческом поведении как категориям социологического знания. В.Шубкин пишет: “Для понимания и объяснения поведения человека в условиях современной жизни возникает необходимость обращения либо к Богу, либо к таким концепциям, которые

пытались бы отражать бессознательное, психобиологические импульсы, иррациональное поведение, которое к тому же сплошь и рядом камуфлируется” [19]. Данную ситуацию социолог трактует как потребность в ином ракурсе рассмотрения, как необходимость не только наблюдать видимую часть явлений, но и заглядывать в их глубину, которая по существу и определяет тенденции развития. В этой связи упоминаются работы тех социологов, философов, психологов, которые работали именно в таком ключе, выделяя явную и глубинную часть явлений — Бэкона, Парето, Фрейда, Мертона.

Связь самоорганизационных представлений со многими положениями тех концепций, которые оперировали понятиями иррационального, бессознательного, архетипического, обнаруживается всеми, кто достаточно глубоко проникает в синергетические идеи. Например, в недавно опубликованной монографии В.Васильковой параллелям между синергетикой и юнгианской психологией посвящен целый раздел, украинский философ С.Крымский неоднократно обращался к синергетическим представлениям в попытках обнаружить бессознательные предпосылки наших систем знаний и представлений, лежащих в основе моделей реальности и моделей обращения с реальностью [20]. Думается, что самоорганизационный анализ социальных трансформаций принципиально невозможен без обращения к глубинно-психологическим основаниям и детерминантам человеческого поведения [21].

5.2. Проблема отчуждения. Индивидуализм и коллективизм

Другой проблемой, связанной с мотивацией социального действия, можно считать проблему индивидуализма и коллективизма, их соотношений в личностных и культурных установках, а также тесно коррелирующую с этим проблему отчуждения, которая не утрачивает актуальности со времен ее острой постановки в работах К.Маркса. Модернистская культурная установка усматривала прогресс на уровне личностных структур, и прежде всего — в культивировании индивидуального начала, его доминировании над коллективным. Личность в ее свободном развитии, освобожденном от тирании рода, традиции, общества, культуры, была одной из центральных фигур такого проекта.

Дух капитализма, неотделимый от духа индивидуализма, обнаружил свои темные стороны в проекции на жизненный мир личности прежде всего в растущем чувстве отчужденности и одиночества. Как считает П.Штомпка, тема отчуждения стала одной из центральных в контексте развернувшейся в конце XIX и продолженной в XX веке критики капиталистического индустриального общества [7, с.110]. Эта тема была подхвачена многими учеными, ее различные трактовки и модели разрешения предлагали в свое время Э.Фромм и Г.Маркузе, Э.Дюркгейм и Ф.Теннис, сторонники экологического направления и теоретики постмодернизма [22–27].

В рамках самоорганизационных моделей эта проблема может получить новую трактовку, связывающую жизненный мир личности и параметры ее социального существования. Последние в данном контексте рассматриваются под углом принадлежности человека к организационным и самоорганизационным социальным образованиям. (Самоорганизационные, как и организационные механизмы, с точки зрения такой модели социальных трансформаций, являются лишь двумя сторонами одного процесса.) Чем более человек интегрирован в структуры самоорганизационного порядка,

тем менее ему присуще ощущение одиночества и отчужденности. Сама природа самоорганизационных социальных структур, основанная на игровом (мифологическом) начале как интегрирующей общность исключает ощущение человеком своей отчужденности от жизни сообщества. Но при этом с безусловностью активизируется коллективная доминанта, растет степень отождествления себя с сообществом, парадоксальным образом не приводящего к чувству утраты свободы (по типу игрового, командного единства). Самоорганизационная модель утверждает притягательность для человека подобных социоструктурных образований, которая, кстати, может оказаться значительно сильнее ограничений морального и нормативного порядка. В этом можно найти объяснение неизбежности криминальных игр, дающих “самоорганизационное” пристанище для многих ищущих его, невозможности их устранения даже путем самых жестких санкций [28; 29].

6. Культура как объект. Смыслообразующая функция

Самоорганизационный взгляд на проблемы общества, его динамики невозможен без обращения к проблемам социокультурного характера (понятия мифа, игры оказываются необходимыми и успешно работающими в самоорганизационных социоструктурных схемах), без рассмотрения процессов трансляции и репродукции различного рода символов и смыслов. Под таким углом зрения многие культурные явления, неожиданные с точки зрения линейных, прогрессивистских моделей, оказываются объяснимыми и закономерными.

К явлениям такого рода следует отнести прежде всего неотрадиционалистские тенденции, представляющие собой культурные корреляты неоконсерватизма и этнического ренессанса. Некоторые культурологи указывают на растущую архаизацию современной культуры, на сближение архаического и современного типов духовности. “Новое сегодня вырастает из старого, причем очень старого. Вселенная опять срастается в мир, напоминающий об архаическом синкретизме” [30]. Религиозное возрождение, усиление веса мифологического сознания в формировании системы представлений человека явно противоречат линейным прогрессивистским ожиданиям, обещавшим демифологизацию сознания и скорое торжество разума, но с точки зрения самоорганизационной трансформационной парадигмы эти явления представляются той закономерной активизацией самоорганизационного начала, когда оно начинает доминировать над организационным, что всегда сопутствует кризисным, бифуркационным состояниям культурной и социальной истории.

Литература

1. Концепция самоорганизации в исторической ретроспективе. — М., 1994. — С.54.
2. Кун Т. Структура научных революций. — М., 1977. — С.61.
3. Saint-Geours G. L'Emperatif de cooperation Nord/Sud: La Synergie des mondes. — P., 1981. — P.20.
4. Назаретян А. В многомерном мире раскрывается ограниченность гуманизма // Общественные науки и современность. — 1991. — № 6. — С.8.

5. Назаретян А. Беспределен ли человек? // *Общественные науки и современность*. — 1992. — № 5; Моисеев Н. Рациональный гуманизм // Там же. — 1992. — № 3; Седов Е. Прагматический гуманизм и искусственный интеллект // Там же. — 1992. — № 4; Новик И. Гуманизм — демократия — глобализм // Там же. — 1992. — № 5; Лейбин В. Экология духа — от самоуничтожения к самоспасению // Там же. — 1992. — № 5.
6. Васильева Н. Пути и формы достижения ноосферной цивилизованности // *Общественные науки и современность*. — 1996. — № 1. — С.127–128.
7. Штомпка П. Социология социальных изменений. — М., 1996. — С.15.
8. Karuscinski R. Revolution // *The New Yorker*. — 1985. — March 11. — P.86.
9. Kirkpatrick J.J. Afte communism, what? // *Problems of Communism*. — 41. — P.7.
10. Brinton C. Anatomy of Revolution. — N.Y., 1965. — P.250.
11. Цыганков П. Мировая политика: содержание, динамика, основные тенденции // *ОНС*. — 1995. — № 5. — С.138.
12. Бутенко А. Особенности крушения тоталитаризма коммунистических цветов // *ОНС*. — 1995. — № 5. — С.169.
13. Бевзенко Л.Д. Проблема элиты с точки зрения социальной самоорганизации // *Социология: теория, методы, маркетинг*. — 1999. — № 2. — С.118–135.
14. Андреев А. Этническая революция и реконструкция постсоветского пространства // *Общественные науки и современность*. — 1996. — № 1. — С.107.
15. Яковлев А. Любовь к ближнему нельзя променять на ненависть к инородцу // *Известия*. — 1994, 6 августа.
16. Лурье С.В. Национализм, этничность, культура. Категория науки и историческая практика // *Общественные науки и современность*. — 1999. — № 4. — С.107–108.
17. Маффесоли М. Околдованность мира или божественное социальное // *Социо-логос*. — М., 1991. — С.274.
18. Головаха Е.И., Панина Н.В. Социальное безумие. История, теория и современная практика. — К., 1994.
19. Шубкин В.Н. Старые и новые проблемы российской социологии // *Вопросы социологии*. — 1996. — № 6. — С.118.
20. Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: (Синергетика и теория социальной самоорганизации). — СПб., 1999. — С.346–457; Крымский С.Б. Культурные архетипы, или Знание до познания // *Природа*. — 1991. — № 11.
21. Бевзенко Л.Д. Глубинно-психологический фактор как основа самоорганизационного анализа динамики социальных систем // *Философская и социологическая мысль*. — 1996. — № 5/6. — С.36–75.
22. Фромм Э. Бегство от свободы. — М., 1989.
23. Фромм Э. Человек для себя. — Минск, 1992; Фромм Э. Психоанализ и этика. — М., 1993.
24. Маркузе Г. Одномерный человек // *Американская социологическая мысль*. — М., 1994.
25. Бауман З. Спор о постмодернизме // *Социологический журнал*. — 1994. — № 4. — С.69–81.
26. Lyotard J.-F. The Post-Modern Codition. — Minneapolis, 1988.
27. Habermas J. Philological Discourse of Modernity. — Cambridge, 1987.
28. Бевзенко Л.Д. Самоорганизационная природа феномена игры // *Константы*. — 1998. — № 2(9). — С.68–75.
29. Бевзенко Л.Д. Духовний вимір у процесах соціальної саморегуляції // *Філософська і соціологічна думка*. — 1996. — № 7/8. — С.91–108.
30. Генис А. Вавилонская башня. — М., 1997. — С.155–156.